

РАДИКАЛ-БУНТАРСКОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКЕ

Едва ли не первой трудностью, возникающей при знакомстве с радикал-бунтарской традицией, является заведомая неопределенность ее места в правовом сознании американского народа. В юридической литературе существуют различные, порой противоположные по своей концепции подходы к разрешению этого вопроса.

Согласно первому американское общество является всецело бунтарским, своего рода «нацией диссидентов» [12, с. 130]. С этой точки зрения США были основаны бунтарями-идеалистами, спасавшимися от феодально-религиозных гонений Старого света. Поэтому не случайно в Декларации независимости США (1776 г.) нашло свое закрепление право нации на восстание: «...Если данная форма правительства становится гибельной..., народ имеет право изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и с такой организацией власти, ка-

кие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью» [7, с. 310]. Тем самым радикал-бунтарская традиция, как никакая иная, конституируется в Америке на высшем, законодательном уровне.

Согласно же второму подходу, которого придерживается и автор настоящих строк, наиболее значимой, глубинной политико-правовой традицией в США является центризм, причем чуть ли не доведенный до банального конформизма. Речь идет о «тяготении» американцев к некоему идейно-политическому центру, предполагающему нетерпимое отношение к экстремальным явлениям в праве и политике и стремление к достижению согласия на основе компромисса [2, с. 185]. Аргументы сторонников этой точки зрения сводятся к следующему: во-первых, право американской нации на восстание так никогда и не было реализовано и вряд ли будет осуществлено в дальнейшем; во-вторых, личная судьба большинс-

тва бунтарей была до предела драматичной. Они не только не достигали вершин политической власти, но даже те из них, которые ее уже имели, без особых трудностей оттуда изгонялись. Достаточно вспомнить судьбы Роберта Ф. Кеннеди или даже Т. Пейна, одного из отцов-основателей США, активного участника Филадельфийского конституционного конвента 1787 г. Как известно, после опубликования трактата «Аграрная справедливость» (1791 г.), где он подверг критике социальные контрасты в молодой Американской республике и выступил против крупной земельной собственности, Т. Пейн был объявлен *persona non grata*, обвинен во всех мыслимых и немыслимых пороках, а после смерти его прах был вывезен в Англию [5, с. 35]. Так что, по словам У. Бакли, хотя американцы и «молились либеральному евангелию», на деле они поддерживали консервативные порядки [цит. по: 9, с. 125].

Что касается третьего подхода, то на протяжении вот уже нескольких веков наиболее просвещенные слои американского общества, а равно и широкая публика, демонстрируют приверженность одним и тем же политическим силам (демократам и республиканцам),

одним и тем же конституционно-правовым институтам (*major institutions*), одной и той же структуре власти в стране (*power structure in the country*). Это выражается, в частности, в относительной стабильности американской Конституции, непопулярности как крайне левых (Компартия США), так и крайне правых политиков и политических сил (Х. Лонг, Б. Голдуотер, в некоторой степени Дж. Маккейн), социальной инерции, на которую наталкиваются прогрессивные общественные движения (например, движения за гражданские права или против войны в Ираке).

Таким образом, если ориентация на бунт, сформировавшая убеждения многих жителей английских колоний в XVIII в., еще была востребована в период их борьбы за независимость, то сегодня, по нашему мнению, она вытеснена из правового сознания американцев, воспринимающих саму идею радикальной перестройки США как подрывную. Более того, многие представители американской политической элиты искренне убеждены, что в современном обществе, достигшем высокого уровня экономического развития и высоких стандартов потребления, не осталось противоречий и неудовлетворенных массовых

притязаний, способных взорвать его. По выражению Ф. Фукуямы, «...современная форма социального и политического устройства *полностью удовлетворительна* для людей в самых существенных отношениях» [15, с. 219].

Между тем в любой стране всегда будут люди, готовые бороться с существующим порядком, и не просто бороться, а предлагать разумную программу позитивных действий. Ведь, как писал в своем блестящем эссе А. Камю, «бунтующий человек – это человек, говорящий «нет». Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий «да» [6, с. 127]. Поэтому, безусловно, не стоит воспринимать американских бунтарей как сплошных нигилистов, готовых отказаться от старого не потому, что оно плохое, а только потому, что старое. Совсем нет. Многие из их конституционно-правовых идей вполне созвучны надеждам и устремлениям передовой части американского юридического сообщества, с успехом восприняты новой вашингтонской администрацией Б. Обамы. В числе последних можно назвать отказ от чрезмерной идеологизации, навязчивого морализаторства в духе Дж. Буша-младшего, здравый подход к насущ-

ным проблемам внутренней и международной жизни (ибо, как полагают бунтари, дела громче слов).

Сегодня, как и раньше, среди ключевых фигур американской культуры встречается немало ярких представителей когорты бунтарей, в числе которых М. Гибсон, М. Мур, О. Стоун, В. Редгрейв, отчасти К. Тарантино и др. В нашей печати, особенно в периодических изданиях, немало говорилось об этих людях, и в целом коллизии их жизни достаточно хорошо известны украинскому читателю. Однако «за кадром» все время остается один принципиальный момент. За время администрации У. Клинтона и Дж. Буша-младшего в Америке выросло новое протестное поколение – так называемое «поколение тысячелетия» (*millennium generation*, или *millennials*). Данное обстоятельство следует подчеркнуть особо, поскольку, как писал Т. Уайт, «молодежь в американской истории никогда не рассматривалась в качестве группы, имеющей самостоятельное значение... Юный возраст считался чем-то вроде воспаления гланд, которое, безусловно, пройдет со временем, когда молодые люди в свой черед станут родителями и налогоплательщиками» [16, р. 111].

Millennials охватывают молодых людей в возрасте 18–29 лет, рожденных в 80-90-х годах, становление которых пришлось как раз на период после окончания «холодной войны». Они образуют самую многочисленную электоральную группу в США, насчитывающую от 80 до 95 млн человек. Как показывают результаты социологического опроса, проведенного Center for American Progress, представители этого поколения не без основания считают, что консервативная политика предыдущих лет не была к ним справедлива. В этой связи показательно, что millennials выступают за более широкое вовлечение государства в разрешение социально-экономических проблем, в частности, 57 % опрошенных поддерживают введение в США универсального медицинского страхования, 87 % полагают, что именно государство должно взять на себя эту функцию, 95 % считают, что правительство должно больше тратить на образование. При этом millennials весьма активно ходят на выборы и участвуют в политической жизни страны [подробнее см.: 17]. Поэтому, естественно, что нынешняя Америка с двумя захватническими войнами и республиканским постулатом о том, что «осуществлять соци-

альные программы – значит плодить бездельников», заслуживает с их точки зрения только одной участи – отрицания. Указанное обстоятельство, по видимому, будет оставаться существенным фактором формирования всех последующих форм радикал-бунтарского правосознания в Америке. Не учитывать этого нельзя.

Какое все это имеет отношение к Украине? Думается, самое непосредственное. Во-первых, здесь отчетливо наметилась тенденция к более широкому использованию правовых моделей, заимствованных не из континентальной, а из англо-саксонской правовой семьи. Достаточно вспомнить конституционный проект, разработанный под руководством члена-корреспондента НАН Украины В.Н. Шаповала, в котором были отражены многие достижения американского и даже английского опыта (вспомним, к примеру, идею совмещения постов министра и парламентария). Однако заимствование правовых институтов должно идти рука об руку с изучением правовых традиций и правосознания, в русле которых они функционируют. В противном случае любые попытки перенесения иностранных конструкций на доморощенную отечественную почву будут обре-

чены на провал. Во-вторых, США являются одним из наиболее динамичных экономических партнеров Украины (только в течение 2002–2004 гг. темпы роста взаимной торговли увеличились на 66 % [11, с. 34]). Значит, украинским ученым-юристам необходимо хотя бы вчерне представлять, какие процессы происходят сейчас в государственно-правовой жизни этой страны. Кроме того, без определенной доли радикал-бунтарского правосознания, в особенности среди украинской молодежи, была бы немыслима Демократическая революция 2004 г. в Киеве. Таким образом, исследуя соответствующие процессы в правосознании американцев, мы тем самым становимся ближе к пониманию аналогичных процессов в Украине среди ее граждан.

Обратим теперь внимание (хотя бы бегло) на конкретные элементы этой формы сознания.

Отношение к государству. В целом радикал-бунтарь разделяет представление новой демократической администрации о кризисном состоянии США. (Достаточно подчеркнуть, что к октябрю 2008 г. среднегодовой дефицит федерального бюджета США составил 1 трлн долларов, а число американцев, живущих за чер-

той бедности, увеличилось до 12 % населения страны [14, с. 21, 22]. Но критическое отношение бунтаря выражено в гораздо более резких тонах. Он не просто считает бушевскую Америку несовершенной. Он ненавидит ее и стремится порвать с ней. Особый акцент в критике государства радикал-бунтарями делается на его карательных органах – ЦРУ, полиции, армии. И это не случайно, поскольку при конфронтации с системой им (тем же антиглобалистам) приходится сталкиваться не с корпорациями или Белым домом, а именно с репрессивной машиной, которая укрепляет их представления и о репрессивности государства в целом.

Бунтарь также поддерживает вывод о кризисе американских институтов и ценностей, наметившемся в последние годы и приобретающем к тому же все более отчетливо выраженные тоталитарные черты, когда путем сочетания грубого насилия с изощренным манипулированием (СМИ, реклама) «часть» (индивид) подчиняется «целому» (системе), а любые оппозиционные тенденции быстро пресекаются. (Особенно удачно это показано в киносценарии М. Мура «Где моя страна, чувак?»). В подтверждение этого тезиса бунтарь

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

ссылается на процессы концентрации экономической, политической и военной власти в руках элиты и одновременно на попытки ее перераспределения в пользу власти президентской, а также на возникновение системы институционально-бюрократического авторитаризма, при которой народ лишается возможности осуществления эффективного контроля над собственным правительством, а деятельность разветвленной государственной машины становится во многом иррациональной и непредсказуемой в плане как эффективности, так и наличия разумной, функционально оправданной цели. Поэтому, ощущая более остро, чем демократ, свое полное безвластие, бунтарь объявляет существующие государственные институты не просто неэффективными; он видит в них чистую фикцию, за которой опять-таки скрывается репрессия.

Вообще для бунтаря, по справедливому замечанию Э.Я. Баталова, слишком многое в современном мире имеет открыто репрессивный характер. Репрессивна мораль, пронизанная фальшью и квазирыночной конкуренцией. Репрессивна семья, нередко построенная на основе этих принципов. Репрессивно искусство, утратившее критическое изме-

рение. Наконец, репрессивен сам разум, на котором зиждется все здание современной цивилизации [1, с. 317].

Какую же альтернативу, или, как говорят американцы, «remedy», предлагает бунтарь? Свободное, нерепрессивное общество рисуется ему в виде так называемых сетевых государств, в которых отсутствует жесткая иерархия, в виде децентрализованных, саморегулируемых, контролируемых снизу общин, функционирование которых предполагает «радикальную реконструкцию человеческого опыта на основе «разотчужденных» социальных принципов, таких как личная открытость, взаимная помощь, непосредственность контактов и т.д.» [3, с. 62]. Особую роль в новом государственном механизме бунтарь отводит различным формам непосредственной демократии, прежде всего референдумам, которые никогда не проводились в Америке на общенациональном уровне. К счастью, с недавних пор этот опыт уже начал частично реализовываться в Калифорнии. Каждый взрослый житель этого штата может выступить автором законопроекта. И если последний соберет подписи хотя бы 5% населения штата, он будет вынесен на референдум.

В этой связи становится понятным тот интерес, который испытывают американские бунтари по отношению к странам Африки и Латинской Америки. Во многом именно благодаря коллективным методам государственного управления (в противовес американскому индивидуальному процессу принятия решений и индивидуальной ответственности за их исполнение – *location responsibility*) «третий мир» ассоциируется в сознании бунтарей с подлинным народовластием, антибюрократизмом, нравственной чистотой вождей и народа, их взаимопониманием и единством, а также со многими другими ценностями – подлинными и мнимыми, отсутствие которых в цивилизованном мире радикал-бунтарь столь остро ощущает. Как видим, образ «благородного дикаря» (и в этом весь М. Гибсон с его «Апокалипто»!), вдохновлявший когда-то Европу, приходит теперь на помощь радикальной Америке, взирающей на «третий мир» не только как на источник нравственного вдохновения, но и как на важный фактор государственной трансформации США, который, сомкнувшись с внутренней оппозицией, мог бы сыграть решающую роль в уничтожении «системы».

Отношение к праву. Пос-

кольку бунтарь ориентирован на разрыв с государством, он чувствует себя внутренне свободным и от права – его норм, принципов, законов, полагаясь при этом на собственные представления о должном и справедливом. В то же время он не может и преуменьшать его роли как социального регулятора. Не случайно такие сугубо юридические проблемы, как социальное равенство, расовый вопрос, права человека в целом, вопросы войны и мира, всегда находились в центре правосознания радикал-бунтаря. Более того, бунтари испытывают повышенный интерес именно к конституционному законодательству. И если раньше, в 60-х годах, это были сегрегационные законы, ограничивающие права негритянского населения, то сегодня, вне всякого сомнения, внимание бунтаря приковано к ключевому антитеррористическому закону США – «Акту патриота» (*Patriot Act*) 2001 г.

Человеческому сознанию вообще свойственна тенденция к акцентированию какого-то одного элемента сложной системы или даже отождествление последней с этим элементом – будь-то ГАИ, бюрократия и т.п., наиболее доступного для уяснения на базе собственного опыта и вместе с тем воплоща-

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОННОСТИ

ющего в концентрированном виде основные пороки системы. Однако акцент бунтаря на Patriot Act вполне оправдан. Этот закон является беспрецедентным для демократического мира. В частности, упомянутый документ содержит в себе следующие положения:

а) создание системы онлайн-наблюдения за Интернетом, обменом сообщениями по электронной почте и посещением сайтов (от себя заметим, что система «Carnivore», разработанная, кстати, выходцами из бывшего Советского Союза, позволяет перехватывать и сообщения лиц, не являющихся объектами оперативного наблюдения в Сети);

б) полномочие правоохранительных органов проводить осмотры и обыски помещений негласно, причем при наличии разумных оснований без санкции федерального суда, что является прямым нарушением IV поправки к Конституции США;

в) установление контроля за иностранными гражданами, получившими студенческую визу;

г) возможность раскрытия банковской тайны (опять-таки без санкций федеральных судов);

д) возможность нарушения конфиденциальной деятельности коллегии присяжных при

рассмотрении уголовных дел [подробнее см.: 4; 13, с. 572, 573].

Все это, разумеется, укрепляет бунтаря в его оценке Америки как полицейского государства, а отмена этого акта, продленного в 2005 г., является одной из актуальных задач, стоящих сегодня перед ним.

В юридической литературе последних лет, особенно российской, все время приходится сталкиваться с неоправданным отождествлением бунтаря (вообще радикала) с экстремистом и даже террористом. Заметим, что террорист – хотя и бунтарь, однако отчаявшийся и озлобленный, а потому «слепой». Действующий по принципу «чем хуже, тем лучше», террорист, функционирующий, как правило, в рамках подпольной или полуподпольной группы, становится на путь заговора и вооруженных провокаций против «системы». (Кстати, число экстремистских групп, проповедующих насилие, возросло в США с 602 в 2000 г. до 888 к началу 2008 г., т.е. на 48 %) [10, с. 29]. Бунтарь же действует иначе. Отвергая тактику «выстрелов из-за угла», террора как такового, он стремится либо поднять массы против «системы» в процессе открытого революционного действия, либо вовсе ориентируется на такое

отрицание существующего общества, которое допускает сохранение элементов отрицаемого объекта и их последующую интеграцию в новое, нерепрессивное общество.

Отношение к международному правопорядку. Разумеется, бунтаря нельзя отнести к поклонникам режима М. Каддафи или С. Хуссейна. Вместе с тем радикал-бунтарь отвергает политику войны как средство ведения внешней политики США, ибо видит в ней грубое посягательство на право каждого народа выбирать удобную ему форму правления. Примечательно, что такая позиция отнюдь не гарантирует бунтарям политических дивидендов. Ведь если в отношении возможного конфликта с Ираном антивоенный национальный консенсус действительно присутствует (80:20 против войны в Иране), то в отношении иракской проблемы не все так просто. По оценкам американских социологов, даже в самые тяжелые моменты войны в Ираке (да и поныне) общественное мнение делится 50:50 [подробнее см.: 8, с. 145]. Между тем большинство бунтарей решительно отвергает любую войну, хотя в глубине души они считают, что коренное изменение американской внешней политики при сохранении нынеш-

ней «системы» невозможно.

Характерной чертой отношения бунтарей к международному правопорядку является его устойчивый антиглобализм. Не вдаваясь в подробный анализ этого явления, отметим, что бунтари справедливо опасаются, что традиционные, уходящие корнями в седую древность культуры в конечном итоге вытеснятся новой агрессивной «культурой потребления» (консюмеризмом), опирающейся исключительно на материальные возможности глобализации. В консюмеризме бунтарь видит процесс совращения изначально чистой «души», которая принимает разрекламированный образ жизни лишь постольку, поскольку ее понуждают это делать. Бунтари подчеркивают искусственность навязываемых глобализацией потребностей, их чуждость подлинной природе человека. Таким образом, специфическое проявление нынешнего международного правопорядка, по их мнению, заключается в том, что он направлен не только на экономическую эксплуатацию слабых или покоренных стран (например, нефтяных залежей Ирака), но и на подавление их национальной культуры в пользу насильственного внедрения «западной культуры белых».

Что касается международ-

ПРОБЛЕМИ ЗАКОННОСТІ

но-правовой материи, то среди основных требований, выдвигаемых бунтарями, следует назвать: а) списание долгов развивающихся стран и государств Восточной Европы; б) выработку новых правил международного кредитования, в частности, запрет международным финансовым структурам выдвигать требования политического характера (к примеру, следовать только либеральной модели хозяйствования); в) замену МВФ и Всемирного банка на систему региональных банков, действующих на более демократичной основе.

Бунтари – по самой своей природе мечтатели и утописты. И, наверное, все эти люди – за-

стреленный Мартин Л. Кинг, умерший в нищете М. Брандо, спивающийся М. Гибсон, мгновенно постаревший Б. Обама с его неутомимой проповедью «о мире, как он есть, и о мире, каким ему надлежит быть» – исторически обречены. В то же время они помогают людям увидеть неприемлемые крайности современной жизни, нащупать пути и методы сохранения разнообразия в единстве, усилить внимание к альтернативистике, поискам качественно новой цивилизации. Они толкают общество на поиски истинных потребностей, истинной морали, истинного строя чувств, несмотря на всех фукуям мира сего.

Список литературы: 1. *Баталов Э.Я.* Леворадикальная традиция и современное леворадикальное политическое сознание // Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин. – М.: Наука, 1980. – С. 252-351. 2. *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990. – 256 с. 3. *Баталов Э.Я.* Философия бунта. – М.: Политиздат, 1973. – 222 с. 4. *Власихин В.* Угрожает ли «Акт патриота» Биллю о правах? // Рос. юст. – 2002. – № 2. – С. 56-60. 5. *Гиленсон Б.А.* История литературы США: Учеб. пособ. – М.: Академия, 2003. – 704 с. 6. *Камю А.* Бунтующий человек. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. 7. Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 624 с. 8. *Кузнецов Д.В.* События 11 сентября 2001 г. и проблема международного терроризма в зеркале общественного мнения. – М.: Либроком, 2009. – 400 с. 9. *Мельвиль А.Ю.* Консервативная традиция и современное консервативное политическое сознание // Современное политическое сознание в США / Отв. ред. Ю.А. Замошкин. – М.: Наука, 1980. – С. 123-188. 10. *Овчинский В.* Экстремизм в США // Огонек. – 2008. – № 51. – С. 28-30. 11. *Парканский А.Б.* Экономические отношения США с Украиной // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2005. – № 2. – С. 33-46. 12. *Речицкий В.В.* Политическая активность. – К.: Сфера, 1999. – 496 с. 13. *Речицкий В.В.* Символическая реальность и право. – Л.: ВНТЛ-Классик, 2007. – 732 с. 14. *Травкина Н.М.* Выборы-2008: время внесистемных политиков? // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 9. – С. 3-36. 15. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2004. – 592 с. 16. *White T.* America in Search of Itself. The Making of the President 1956-1980. – N.Y.: Atheneum Publishers, 1982. – 448 p. 17. Youth and America // www.thedemocraticstrategist.org/jac/2007/03.

Надійшла до редакції 05.10.2009 р.